

3. Гак В.Г. Судьба и мудрость // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. С. 198–206.
4. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. 448 с.

References

1. Akhmet'yanov R.G. *Obshchaya leksika dukhovnoi kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya* [Common Lexis of spiritual culture of the peoples of the Middle Volga region]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 144 p.
2. Vezhbitskaya A. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1996, 416 p.
3. Gak V.G. *Sud'ba i mudrost'* [Fate and Wisdom]. *Ponyatie sud'by v kontekste raznykh kul'tur* [The concept of fate in the context of different cultures]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 198–206.
4. Kolesov V.V. *Filosofiya russkogo slova* [Philosophy of the Russian word]. St. Petersburg, YuNA Publ., 2002. 448 p.

МОТЫГУЛЛИНА ЗУХРА АЙВАЗОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань (Zuhra711@yandex.ru).

MOTYGULLINA ZUKHRA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Romano-Germanic Languages and International Communication, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.

УДК 802/809:37

ББК 81.432.1

Н.К. МУЛЛАГАЛИЕВ

**ВЫРАЖЕНИЕ ИРРЕАЛЬНОЙ МОДАЛЬНОСТИ НА МАТЕРИАЛЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ «THE CATCHER IN THE RYE» ДЖЕРОМА СЭЛИНДЖЕРА
И ЕГО ПЕРЕВОДА НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК**

Ключевые слова: ирреальная модальность, художественная литература, сопоставительное языкознание, непосредственный перевод.

Рассматриваются особенности передачи ирреальной модальности в процессе перевода англо-американской художественной литературы на татарский язык. Перевод основывается на результатах исследований по сопоставительному языкознанию, теории перевода, типологии и контента лингвистики – ирреальной модальности. В статье приводятся примеры перехода с одного языка на другой при непосредственном переводе оригинальных произведений на татарский язык, разбираются случаи выражения ирреальной модальности.

N. MOULLAGALIEV

**EXPRESSING IRREAL MODALITY ON THE MATERIAL OF «THE CATCHER IN THE RYE»
BY JEROME SALINGER AND ITS TRANSLATION INTO TATAR LANGUAGE**

Key words: irreal modality, fiction, comparative linguistics, immediate translation.

The author considers the peculiarities of transferring irreal modality in the process of translating Anglo-American fiction into the Tatar language. Translation is based upon the results of studies on comparative linguistics, translation theory, linguistics and one of the basic components of typology that is known as irreal modality. The paper provides the examples of transferring irreal modality from the source language into the target language by means of immediate translation of the original works into the Tatar language and describes the cases of expressing irreal modality.

Концепт модальности в современном обществе приобретает все большую актуальность. Это связано с новым видением современности: в мире информатизации и компьютеризации очень мало внимания уделяется живому общению, пониманию друг друга не только посредством машинального общения, а средствами чувственного восприятия собеседника. Категория модальности актуальна и в современной науке, основная тенденция которой –

использование междисциплинарных связей для достижения единой цели: когда результаты исследований по истории, психологии, теории перевода, лингвистики – совершенно разных областей миропонимания – выступают как единое целое. Например, при выполнении художественного перевода произведений в неродственных языках (с английского языка на татарский). Будучи носителем татарского или русского языка, переводчик изначально далек от «английского» миропонимания, принятия особенностей культуры языка оригинала, исторических и психологических фундаментов построения речи. Изучение категории модальности как особой лингвистической категории предоставляет возможность понимать не только машинальный перевод предлагаемого произведения, но и «читать между строк», переносить на переводимый язык все тонкости и обычаи иностранного мира. При этом не следует рассматривать модальность как изолированную среду, так как она может существовать, только основываясь на результатах существующих исследований по лингвистике, теории языка, сопоставительном языкознании (изучении неродственных языков), психологии, истории, логике и т.д.

Свое начало учение о модальности получает в античном мире. Аристотель – один из первых, кто затрагивает «модальность» как «учение о материи и формах» и сопоставляет результаты своих размышлений с вопросом о связи языка с бытием. При этом, будучи логиком, он говорит о языке как о чем-то реально несуществующем, он не может отнести то, что нельзя реально потрогать, к миру бытия, но и не может отрицать существование речи. Следовательно, он пытается создать наиболее правильный подход к описанию языка через призму логических рассуждений. Таким образом, он классифицирует все существующие суждения на несколько подтипов: общеутвердительные и частноутвердительные, общеотрицательные и частноотрицательные. Будучи истинным логиком, Аристотель видит в модальности способ существования высказывания – высказывание может существовать, будучи ложью или истиной, но он понимает, что все высказывания не получается собрать под данное логическое заключение и переносит результаты учений в «силлогизм». Получается, что именно Аристотель впервые заговорил о категории модальности или так называемом «добавочном смысле предложения». Дальнейшие учения о категории модальности Ш. Балли и В.В. Виноградова выдвигают ту же самую основу, которую и предложил Аристотель [1. С. 44]. Они же и затрагивают модальность текста, тем самым расширяя горизонты влияния чисто речевой категории. Тем не менее модальность не перестает быть сложной языковой категорией, которая и сегодня имеет огромное количество подходов и направлений исследования. В зависимости от отношения сообщаемого к действительности она имеет объективные и субъективные формы, по характеру устанавливаемых связей между высказываемым и объективной действительностью может выступать реальной и ирреальной [6].

Все особенности проявления модальных отношений прослеживаются в процессе перехода с одного языка на другой, т.е. в процессе перевода художественного произведения, так как в процессе перехода между двумя неродственными языками наиболее четко прослеживаются средства передачи модальных отношений в рассматриваемых языках. Особенно интересны произведения, которые написаны в свободном молодежном стиле и содержат в себе огромное количество волеизлияния, упрека и иных способов выражения чувств. Одним из таких произведений является произведение Джерома Сэлинджера «The catcher in the rye», в котором мы можем встретить огромное количество модально окрашенных высказываний и жизнеописаний. Главный герой – Холден – довольно своеобразный молодой человек с отличным стилем

поведения и рассуждения, которому есть что ответить назойливому обществу. Будучи неуверенным в себе и в окружающем мире, он часто прибегает к использованию ирреальных высказываний. Оригинал произведения на английском языке, и нам необходимо рассмотреть варианты передачи модальных отношений на языке автора. Многие из современных ученых утверждают, что модальность в английском языке в большинстве своем выражается посредством модальных глаголов и особых конструкций предложения. Но Г.В. Колшанский, например, не торопится перечислять модальные глаголы, предложения с «if, whether», вводные слова типа «probably, maybe, certainly, surely и т.д.» как специальные слова, выражающие модальность в английском предложении [3. С. 97]. Наоборот, поддерживая идею В.В. Виноградова, он утверждает, что модальность охватывает весь спектр языка – от простого высказывания до сложного предложения [2. С. 725]. Произведение «The catcher in the rye» полностью пронизано модальностью и представляет собой душевное состояние простого школьника, которого только что исключили из школы. (Из-за избыточной модальности книга была запрещена во многих штатах Америки). Каждое слово, высказанное главным героем, и есть отношение к реальности; его внутреннее «я», оскорбленное социумом, пытается осмыслить и найти себя в обществе. Холден выступает в роли рассказчика, и в целом его рассказ создает такое впечатление, что он никому не пытается навязать свои мысли, а просто делится впечатлениями, никого не утруждая своими рассуждениями. Для этого он и использует ирреальную модальность. Его речь не проста, не всегда Холден уверен в том, что говорит. Создается впечатление, что он просто пытается уверить читателя в том, что он не может говорить всю правду и поэтому прибегает к иносказанию. Часто автор использует общепринятые формы выражения модальности: модальные слова, модальные глаголы, вводные слова, выражающие модальность предложения, но иногда Сэлинджер строит модальность посредством особого использования атмосферы речи и целого контекста.

Например, когда Холден описывает сожителя по комнате в общежитии, он не хочет называть его красивым, но и не может сказать, что он уродлив. Поэтому он выбирает такую тактику, когда автор предоставляет читателю выбор. Каждый сам решает, Холден просто приводит свое видение ситуации: «He thought he was the handsomest guy in the Western Hemisphere. He was pretty handsome, too – I will admit it. But he was mostly the kind of a handsome guy that if your parents saw his picture in your Year Book, they would right away say, «Who is this boy?» I mean he was mostly a Year Book kind of handsome guy» [7. С. 33]. На русском в переводе Райт-Ковалевой это звучит как: «Он считал, что красивей его нет человека на всем западном полушарии. Он и на самом деле был довольно красивый – это верно. Но красота у него была такая, что все родители, когда видели его портрет в школьном альбоме, непременно спрашивали: "Кто этот мальчик?" Понимаете, красота у него была какая-то альбомная» [4. С. 21]. Для того, чтобы выразить свое отношение к высказываемому, в данном случае к красоте Стрэдлейтера, автор использует сочетания «он считал; довольно красивый; красивый, но; понимаете; какая-то альбомная красота», которые дают нам полный образ Стрэдлейтера: «обычный молодой человек, который умеет позировать для альбома и думает о себе, что очень красив, но в целом ничем не отличается от своих сверстников». Чтобы сохранить стиль автора, при переводе произведения на татарский язык, нам придется прибегнуть к суффиксам -ча, -чә, образующие в татарском языке наречия, которые показывают компаративность. Используя слова «аның уйлавынча, хәйран чибәр, үзгә, тик, һичшиксез», можно добиться той непринужденности, которую мы видим в оригинальном произведении: «Аның уйла-

вынча: ул – көнбатыш кисәктәге иң чибәр егетләрнең берсе иде. Дәрәс, ул чыннан да хәйран чибәр, моның белән килешми ярамас. Әмма аның матурлыгы ниндидер үзгә, аны чыгарылыш альбомында күргән эти-әниләр һичшиксез «Бу нинди малай?» – дип сораячаклар. Тик, беләсезме, аның матурлыгы ниндидер «альбомча матурлык» иде». Здесь читатель может понять, что автору не очень приятно говорить про Стрэдлейтера, что он красив. Это говорит о том, что Холден не очень и дружит с ним и не хочет особо его расхваливать. Далее в произведении он приводит примеры того, как Стрэдлейтер пытается показать себя чистоплотным, не являясь при этом таковым. Таким образом, информация, приведенная в нескольких предложениях, раскрывает нам отношение главного героя к своему соседу.

Рассказчик, или главный герой, строит многие свои суждения через фразы, означающие неуверенность «I guess, I think, I could, I mean, I might» и т.д. Все эти фразы также используются для создания атмосферы неуверенности молодого человека, который не знает, что делать со своей судьбой. Например, говоря о Спенсере, автор описывает, как он ковыряется в носу. Реально он не понимает, что делает старик и что хочет этим выразить, поэтому ему остается только догадываться. Холден описывает повадки старика абсолютно равнодушно: «He also started picking his nose. He made out like he was really getting the old thumb right in there. I guess he thought it was all right to do because it was only me that was in the room. I didn't care, except that it's pretty disgusting to watch somebody pick their nose» [7. С. 12]. В переводе это звучит как «И при этом ковырял в носу. Он старался делать вид, будто потирает нос, но на самом деле он весь палец туда запустил. Наверно, он думал, что это можно, потому что, кроме меня, никого тут не было. Мне-то все равно, хоть и противно видеть, как ковыряют в носу» [4. С. 7]. При передаче оригинальной идеи переводчик использовал фразы «будто», «наверно», «мне-то». При переходе на татарский язык у нас также возникает необходимость использовать вводное слово «әйтерсең», частицу «бәлки», глагол «булса кирәк» и иные языковые и конструктивные средства, чтобы всецело показать всю полноту передаваемой идеи. В целом перевод на татарский язык получается довольно близким по смыслу и характеру с английским текстом: «Шул ук вакытта ул бармагы белән борынын актара башлады. Борынын сыпырган төсле генә кыланса да, бөтен баш бармагы ук кереп китте үзенә. Бәлки, ул монда миннән башка беркем дә булмаганга күрә читенсенеп тә тормагандыр булса кирәк. Миңа соң барыбер, ну шулай да берәүнең борынында казынуын карап тору бик күңелле хәлләрдән түгел». Так как татарское предложение получается весьма грубым по смыслу (само суждение молодого человека в таком ключе про старика уже странно), нам необходимо добавить так называемые «смягчающие слова» «булса кирәк», «үзенә». Они помогают татарскому читателю лучше понимать перевод произведения и не чувствовать при этом дискомфорта. В таких предложениях мы видим, что прибегать к ирреальной модальности или усилить существующую модальную окраску переводчик может и в процессе перевода. Ирреальная модальность формирует не критичную речь, смягчает грубые суждения.

Говорящий часто прибегает к использованию ирреальной модальности в силу того, что сам не может понять, как ему действовать, как поступить: «There wasn't anyplace else to go. I thought maybe I might stop in a phone booth and give old Jane Gallagher a buzz before I started bumming my way west, but I wasn't in the mood. For one thing, I wasn't even sure she was home for vacation yet. So I just went over to the museum, and hung around» [7. С. 233]. Предложенный перевод на русский язык передает неуверенность автора различными

ми формами глагола и частицей ли «не звякнуть ли», «не был уверен» и общим настроением говорящего: «Все равно больше идти было некуда. Я подумал, не звякнуть ли Джейн Галлахер из автомата, перед тем как податься на Запад, но настроения не было. Да я и не был уверен, что она уже приехала домой на каникулы. Я зашел в музей и стал там ждать» [4. С. 153]. В татарском языке существуют такие же формы слов, направленных на выражение неуверенности: «Башка барыр жирем булмаганлыктан, кәнбатыш тарафына юл тотар алдыннан, телефон будкасына кереп, Джейн Галлахер карчыкка шалтыратып алыммы соң, дигән фикер дә туды башымда. Тик һич төкәфем юк иде шул. Каникулга кайтканын, кайтмаганын да төгәл генә белми идем, дәрәсен әйткәндә. Шуңарга музейга кердем дә, көтөргә тотындым». При переходе на татарский язык в данном предложении мы также можем сохранить и целостность выражения «old Jane Gallagher», так как в татарском языке есть слово точно в таком же значении, что и слово «old» – «карчык». Оно звучит как «старушка», но переводчик не использовал данное слово в переводе на русский язык скорее в связи с тем, что «старушка» – это уменьшительно-ласкательное от слова «старая» или «старуха», что нельзя сказать о слове «карчык». Его можно употреблять и в отношении молодых особ женского пола, при этом фраза звучит с небольшой иронией и показывает дружеские отношения между Холденом и Джейн.

Сэлинджер часто прибегает к использованию ирреальной модальности, когда возникает необходимость описания непонятного поведения молодого человека. Это добавляет остроту в переживания Холдена, читатель всецело понимает его потерянность и пребывание в состоянии горячки. «Every time I'd get to the end of a block I'd make believe I was talking to my brother Allie. I'd say to him, "Allie, don't let me disappear. Allie, don't let me disappear. Allie, don't let me disappear. Please, Allie." And then when I'd reach the other side of the street without disappearing, I'd thank him. Then it would start all over again as soon as I got to the next corner. But I kept going and all. I was sort of afraid to stop, I think—I don't remember, to tell you the truth» [7. С. 227]. Р. Райт-Ковалева предлагает довольно упрощенный перевод данного отрывка: «Только дойду до угла, сразу начинаю разговаривать с моим братом, с Алли. Я ему говорю: "Алли, не дай мне пропасть! Алли, не дай мне пропасть! Алли, не дай мне пропасть! Алли, прошу тебя!" А как только благополучно перейду на другую сторону, я ему говорю спасибо. И так на каждом углу – все сначала. Но я не останавливался. Кажется, я боялся остановиться – по правде сказать, я плохо помню» [4. С. 149]. С точки зрения психологии произведения этот отрывок представляет собой один из ключевых моментов описания Холдена: у него возникают ничем не обоснованные страхи. Весь отрывок полон сомнений, реальность автора путается с ирреальным миром. Речь главного героя построена с использованием простых предложений, но при этом полны переживаний, нагнетающих обстановку. Конечно, в данном случае автор также пользуется и повторением, как сильным стилистическим средством описания, но и сам контекст представляется модальным или «душевым». При переводе это обязательно надо передать средствами татарского языка: «Өйләр бетеп урам почмагына борылу белән абыем Алли белән сөйләшә башлаганмын сыман тоела. Мин аңа: "Алли, югалырга бирмә миңа. Алли, югалырга бирмә миңа. Алли, югалырга бирмә миңа. Алли, зинһар". – диямен шикелле. Һәм югалмый урамның икенче чыгып җитү белән, мине югалудан саклаганы өчен аңа рәхмәт укыйм. Икенче тыкырыкка барып җитү белән бары да янәдән кабатлана. Ләкин мин туктарга курыккан кеше сыман барам да барам – бәлки шулай тоела гынадыр – белмим

дә, дересен генә әйткәндә». Слова «сыман, тоела, диямен, шикелле, ғынадыр, белмим» направлены на сохранение изначального контекста потерянности автора и добавляют модальность в живую речь говорящего.

Современный взгляд на перевод художественных произведений, основанный на сопоставительном изучении неродственных языков, таких, как татарский и английский, поможет преодолеть многовековой барьер культур, обогатить знания в области сопоставительного языкознания и интеграции отдельных элементов изучения языка в одно целое видение мира. При этом процесс перевода представляет собой интересный материал для дальнейшего детального изучения и совершенствования, направленный на обогащение татарского языка новыми лингвистическими знаниями, которые ранее были недоступны. Переведенные произведения обогащают библиотеку татарского читателя, что является практически значимой частью исследования.

Литература

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / пер. с 3-го фр. изд. Е.В. и Т.В. Вентцель; ред., вступ. ст. и примеч. Р.А. Будагова. 2-е изд., стер. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 416 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / под ред. Г.А. Золотовой; предисл. В. Костомарова и др. М.: Рус. яз., 2001. 786 с.
3. Колшанский Г.В. К вопросу о содержании языковой категории модальности // Вопросы языкознания. 1961. № 1. С. 80–106.
4. Сэлнджер Д. Над пропастью во ржи / пер. с англ. Р.Я. Райт-Ковалевой. М.: Кристалл, 2001. 574 с.
5. Миннихметов Р.Г. Модальные слова в татарском языке. Уфа: Изд-во Башк. ун-та, 1999. 84 с.
6. Хисамова В.Н. Глагольная система татарского и английского языков: сопоставительный анализ в аспекте изучения английского языка на базе родного (татарского) языка. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. 250 с.
7. Selinger D. Catcher in the rye. СПб.: КАРО, 2011. 288 с.

References

1. Bally Ch. Linguistique générale et linguistique française. Berne, 1950, 403 p. (Russ. ed.: Bally Ch. Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001, 416 p.).
2. Vinogradov V.V. *Russkii yazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove* [The Russian language: the grammatical doctrine of the word]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 2001. 786 p.
3. Selinger D. Catcher in the rye. St. Petersburg, KARO Publ., 2011, 288 p. (Russ. ed.: Selindzher D. Nad propast'yu vo rzhi. Moscow, Kristall Publ., 2001, 574 p.).
4. Kolshanskii G.V. *K voprosu o sodержanii yazykovoi kategorii modal'nosti* [To a question about the content of the linguistic categories modality]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Problems of Linguistics]. 1961, no. 1, pp. 80–106.
5. Minniakmetov R.G. *Modal'nye slova v tatarskom yazyke* [Modal words in the Tatar language]. Ufa: Bashkir University Publ., 1999. 84 p.
6. Khisamova V.N. *Glagol'naya sistema tatarskogo i angliiskogo yazykov: sopostavitel'nyi analiz v aspekte izucheniya angliiskogo yazyka na baze rodnogo (tatarskogo) yazyka* [Verbal system of the Tatar and English languages: a comparative analysis in the aspect of study of the English language on the basis of the native (Tatar) language]. Kazan, Kazan University Publ., 2004. 250 p.
7. Selinger D. Catcher in the rye. St. Petersburg, KARO Publ., 2011. 288 p.

МУЛЛАГАЛИЕВ НАРКИЗ КАМИЛЕВИЧ – ассистент кафедры романо-германских языков и международной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань (narkizmoullagaliev@mail.ru).

MOULLAGALIEV NARKIZ – Assistant Lecturer, Department of Romano-Germanic Languages and International Communication, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.
